

Wiktor Choriew

Польско-белорусское пограничье в творчестве Тадеуша Конвицкого

Acta Polono-Ruthenica 6, 413-419

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Wiktor Choriew
(Rosja, Moskwa)

Польско-белорусское пограничье в творчестве Тадеуша Конвицкого

Одной из важнейших сфер многосторонней научной деятельности профессора Б. Бялокозовича является изучение пограничья культур, в том числе польско-белорусского пограничья¹ и его значения для польской культуры. В одном из своих исследований он верно заметил, что „kresy wschodnie byłej Rzeczypospolitej Obojga Narodów, czyli ziemie ukraińskie, białoruskie i litewskie, dały kulturze polskiej całe pokolenia pisarzy, artystów, muzyków, malarzy, etnografów, folklorystów, naukowców, którzy pełną garścią czerpali z ich skarbnicy. Tematyka kresowa w najrozmaitszych wątkach, motywach i ujęciach szeroko przeniknęła do literatury polskiej”.²

Проблема художественного отражения жизни пограничья в польской литературе имеет глубокую историческую перспективу. Известно, например, насколько значительную роль в становлении поэзии А. Мицкевича сыграла этнически разнообразная народная культура, прежде всего белорусская и литовская, характерная для родины поэта – Новогрудского региона, в котором сосуществовали разные языки, народные традиции и религии. Фольклор, обряды и поверья местных крестьян стали источником многих будущих поэтических открытий Мицкевича.

¹ Zob. m. in.: B. Białokozowicz, *Polsko-wschodniosłowiańskie stosunki literackie jako problem badawczy*, „Studia Polono-Slavica Orientalia. Acta Litteraria”, t. 1, red. B. Białokozowicz. Wrocław, 1974; *Polsko-wschodniosłowiańskie pogranicze kulturowe, styki i kresy jako problem badawczy*, [w:] *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe*, t. 1. Olsztyn 1994; *Między Wschodem a Zachodem. Z dziejów formowania się białoruskiej świadomości narodowej*, Białystok 1998.

² *Pogranicze i kresy w literaturze pięknej (Przyczynek do polsko-białoruskich i polsko-ukraińskich stosunków literackich)*, [w:] Зофье Налковской посвящается..., Минск 1991, s. 25.

заметил С. Буркот, „Konwicki od *Rojstów* poczynając, opowiada dzieje swego pokolenia, którego wojna (i jej późniejsze konsekwencje) doświadczyła poczuciem niespełnienia, a nawet zdrady. Dla części tego pokolenia dzień zwycięstwa zrównał się z osobistą klęską – z koniecznością opuszczenia miejsc rodzinnych, wypierania się własnej przeszłości, rozstania się z ludźmi, które okazały się nieprzydatne w nowej, powojennej rzeczywistości”.

Вспоминая о годах войны, о партизанском движении, Конвицкий говорил о том, что „tych różnych partyzantek było bez liku. Najbardziej jednak wstrząsający był białoruski chłop, na którego tyłku odbywała się ta cała wojna”.⁶

Герои Конвицкого, как и он сам, представляют при этом рядовые биографии. Конвицкий пишет о себе, что сразу после войны он был „темным Литвином”, что „jeszcze niedawno chciałem koniecznie polec za ojczyznę, jeszcze niedawno błąkałem się po białoruskich puszczech z bronią w ręku, a właściwie na plecach, jeszcze niedawno świat kończył się dla mnie na drugim brzegu Niemna,”⁷ – писал он в „лже-дневнике” *Календарь и клепсидра*.

Виленщина и Беларусь стали в творчестве Конвицкого архетипом, символом, исходным пунктом оценки писателем и его героями современного мира. „Prawie we wszystkich powieściach opisuję ciągle ten sam krajobraz, to same miejsce. Robię to świadomie i sprawia mi to przyjemność.[...] Jest to dla mnie też trochę magiczne”.⁸

Магическим светом озарен у Конвицкого не только пейзаж его малой родины, но и быт и характер людей литовско-белорусского пограничья. Этот некогда добрый и безопасный мир, увы, навсегда утрачен и ностальгически недосягаем. Над сознанием современных героев Конвицкого тяготеет жестокий опыт военных лет, прежде всего тот, который был уделом молодежи Армии Крайовой, молодежи, дезориентированной ходом истории и вошедшей в жизнь с ощущением личного поражения. К этому присоединяется восприятие современной польской жизни, как враждебной личности. Эта жизнь лишена подлинной свободы, она воспринимается словно бы в полусне, в гротескной оболочке. Ей противопоставлены чувственно-конкретные картины прошлого, которые наполнены символическими значениями.

⁶ S. Nowicki, *Pół wieku czyśćca. Rozmowy z Tadeuszem Konwickim*, Warszawa 1990, s. 66.

⁷ T. Konwicki, *Kalendarz i klepsydra...*, s. 21.

⁸ Z. Taranenko, op. cit., s. 253.

Прошлое, молодость – вот куда устремляются физически, мыслью и мечтой писатель и его герои – в мир, в котором существовали еще общепринятые нормы морали, человечности, справедливости. Помещенные в иное пространство герои Конвицкого теряют точку опоры, теряют свою этническую и культурную тождественность.

Аркадия, какой была для писателя и его героев малая родина, утрачена безвозвратно. Речь идет у Конвицкого не столько о политической утрате, сколько об исчерпанности культурных и этнических ценностей, о чем писатель непрестанно размышляет в своих произведениях. Начало этому процессу положила война. „Zobaczyliśmy, że świat, w którym żyjemy, świat jakiegoś porządku, ładu nic nie znaczył. Wszystko się w naszych oczach skompromitowało, rozpadło. [...] A potem przyszły nowe czasy – socjalizm. I pewne nasze rzeczy długo dogorywały. [...] Właśnie na naszych oczach rozpadła się cała ta formacja intelektualno-emocjonalno-estetyczna, w której żyliśmy”.⁹

Это слова из интервью писателя. А в романе *Хроника любовных событий* он так говорил о последних, днях кресов, о весне 1939 г.: „Dożywała ona swoich dni w polszczyźnie wileńskiej, w pieśniach białoruskich, w przysłowiaach litewskich, trwała jeszcze w ginącym obyczaju, w wybujałych chorobliwie na chwilę charakterach, w powolnej i gęstej dobroci ludzkiej”.¹⁰

Утрата страны детства стала для писателя источником поэтического мифа идеальной родины, а также, как в дневнике *Восходы и заходы луны*, основой для антирусской фобии: „Polacy najdłużej szamocą się z diabelskim imperializmem rosyjskim. Polacy od wieków skazani są przez Moskwę i prawosławie na śmierć państwową i narodową”.¹¹

Итак, малая родина писателя – утраченный рай. Ее облик почти во всех произведениях Конвицкого воспроизводится в памяти героев как видение долины на бывших польских кресах. „Ta dolina jest szczególnie w swoich torfowiskach, w rzece, pełnej pamiątek, w lesie, który widział wiele pokoleń uzbrojonych ludzi. Ja pamiętam taką dolinę z dzieciństwa i młodości, pan ją także pamięta. Czy pan wie, że ilekroć chcę sobie wyobrazić życie ludzi osiadłych, ilekroć chcę przejmująco opisać krajobraz, zawsze widzę tę dolinę zapamiętaną w najdrobniejszym fragmencie” – говорит Павел, герой романа *Современный сонник*.

Подробное описание этой долины дано в романе *Дыра в небе*: река, текущая среди ольшанника, луга, пахнувшие мятой, лесной папоротник,

⁹ Ibidem, s. 250.

¹⁰ T. Konwicki, *Kronika wypadków miłosnych*, Warszawa 1976, s. 124.

¹¹ T. Konwicki, *Wschody i zachody księżyca*, Warszawa 1982.

песчаная дорога, небо в облаках, костел со звонницей. В такую же таинственную зеленую долину выбираются в свое удивительное путешествие герои романа *Зверочеловекоупырь* – пёс-изобретатель Себастьян и мальчик Петр. В эту же долину – но уже опустевшую, вымершую, как в кошмарном сне, возвращается Дарек, герой романа *Ничто или ничего*. В этой долине живет Витек, герой романа *Хроника любовных событий*; вспоминает о ней и автор-повествователь книги *Календарь и клепсида*.

Как уже было сказано, в большинстве произведений Конвицкого действие разворачивается в двух временных планах. Так происходит и в романе *Подземная река, подземные птицы*. Лейтмотивом в нем также звучит тема малой родины писателя – и в воображаемом возвращении героя романа в родные места из Варшавы времени военного положения 1981 года, и в высказываниях от автора („Я”), как например: „Światło zalewa gorącym ten drugi brzeg, czerwonienny bór sosnowy i strone lachy białego piasku. Chłop krzyczy niezrozumiale jakimś gardliwym głosem... Ten chłop może być chłopem białoruskim, litewskim, żydowskim”.

Глубокое уважение к белорусскому народу и его культуре присутствует у Конвицкого не только в прямых авторских высказываниях, но и в художественной ткани произведений. В романе *Бохинь*, например, один из персонажей – ксендз, собиратель народных песен, преданий, танцев (и попавший за это в тюрьму, поскольку царские власти считали, что белорусской нации нет и незачем ее искусственно создавать) размышляет о том, какой алфавит более пригоден для белорусского языка и объясняет героине (пани Хелене) достижения белорусской культуры: „W dawnych wiekach ich mowę pisano cyrylicą. I tak może byłoby słuszniej. Ale widzisz, dziecka, oni później uczestniczyli w Odrodzeniu, w Renesansie znaczy się, oni stąd już nie Azjaci, a prawdziwi Europejczycy. I poetów mieli wielkich łacińskich, i Skoryna, choć z heretykami zadawał się, to jednak wielkie zasługi poniósł i dla Polaków, i dla Białorusów, a nawet dla Moskali”.

В польской литературе есть писатели, которых иногда называют „кресописами”. Речь идет не только о тематике их творчества, но и о своеобразии их языка. К ним принадлежит и Конвицкий. Без какой-либо навязчивой стилизации он передает особенности польской речи на кресах. Сравнивая себя с В.Махом, Конвицкий писал: „On znał cudownie język polski, był cały nasycony jak miodem polszczyzną Kochanowskiego, Reja, Krasickiego, ja gdałem wołapiukiem polsko-białorusko-rosyjskim”.¹²

¹² Т. Konwicki, *Kalendarz i klepsydra*, s. 23.

Разумеется, нельзя принимать за чистую монету самоуничижительные слова Конвицкого, из которых можно извлечь лишь указание на использование писателем диалектных особенностей языка своего любимого региона. Он отвергает стерильную чистоту языка многих писателей-современников, видя в ней „krągłą muzyczność, jak brzuch odaliski” и гордится тем, что в его произведениях „skrzeknie często gęsto jakiś lituanizm, zaskowycze znieńska białoruskość”.¹³

Белорусско-литовское пограничье – это своего рода Йокнапатофа Конвицкого. Летопись ее, как и у Фолкнера, трагична, ибо она дана у писателя в изломанных, зигзагообразных человеческих судьбах. Этот, говоря словами Фолкнера, „клочок земли, величиной с почтовую марку”, важнейшая смыслообразующая часть художественного космоса выдающегося писателя современной Польши – Тадеуша Конвицкого.

¹³ Ibidem, s. 98.